

Влад Озер

Медицинское училище

КМУ 72-76

Влад Озер
Медицинское
училище. КМУ 72—76

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39855345

ISBN 9785449602275

Аннотация

В этой книге отражен процесс приобретения среднего специального медицинского образования. Действие происходит в маленьком провинциальном городке, в период так ныне называемого «застоя». Все желающие смогут узнать как жила, чем занималась, какие имела интересы молодежь того времени.

Содержание

ПРОЛОГ	6
ЛАТЫНЬ	33
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Медицинское училище КМУ 72—76

Влад Озер

© Влад Озер, 2018

ISBN 978-5-4496-0227-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1. Медицинское училище. 1972—1976 годы

Владимир Озерянин

см. ФОТО: Они тоже начинали свой жизненный путь
фельдшерами. Николай Щорс; Серго Орджоникидзе; Мат-
рос Железняков (Железняк); Александр Калягин; Михаил

Галустьян, – и многие другие известные личности, имели первичное образование- фельдшер.

ПРОЛОГ

Фельдшер – специалист со средним специальным медицинским образованием, который имеет право проводить диагностику и устанавливать диагноз, проводить самостоятельное лечение или направлять пациента к врачу-специалисту.

По должностным обязанностям и стандартам работы в местах, отдалённых от врачебной помощи, принципиально не отличается от участкового терапевта [2] и врача скорой помощи [3]. Медицинская помощь, оказываемая фельдшером, называется доврачебной.

Слово «фельдшер» (нем. Feldscher) происходит от слова Feld – поле, и Schere -ножницы. Первоначально «фельдшер» это «полевой цирюльник, хирург», позднее «полевой (лекарь)». Так в средние века в Германии называли военного врача, который лечил раненых в полевых условиях.

С давних времён было принято, чтобы на поле боя находились не только солдаты и их предводители, но и врачи. Они были нужны для оказания первой помощи раненым. В Средневековой Германии таких врачей называли фельдшерами. Это название сохранилось до сих пор, правда, теперь эти «полевые врачи» (буквальный перевод немецкого слова «фельдшер») помогают людям в мирное время.

Профессия фельдшера очень востребована в такой стра-

не как наша. Жителей многочисленных населённых пунктов, даже самых маленьких и отдаленных, нельзя оставить без медицинского внимания. На фельдшеров сельских медицинских учреждений нередко возлагается роль и терапевта, и медсестры, и даже акушера.

Фельдшеры работают также на скорой помощи, в воинских частях, в здравпункте железнодорожной станции, морского порта или аэропорта. В городских медицинских учреждениях фельдшеры – помощники врача.

Представители профессии Фельдшера являются достаточно востребованными на рынке труда. Несмотря на то, что вузы выпускают большое количество специалистов в этой области, многим компаниям и на многих предприятиях требуются квалифицированные Фельдшеры.

Фельдшер осуществляет приём пациентов в поликлинике, здравпункте или выезжая на место вызова. Его главная задача здесь заключается в определении состояния пациента, установлении диагноза, оказании ему первой неотложной помощи. Наличие многих профессиональных навыков позволяет фельдшерам быть ассистентами врача при проведении операций, проводить анализы и исследования, заниматься ведением различных медицинских документов.

Для того чтобы работать по профессии Фельдшера, не обязательно иметь высшее профессиональное образование по соответствующей специальности. Для данной профессии достаточно иметь диплом о среднем профессиональ-

ном образовании, полученный в колледже или техникуме.

Кроме приёма пациентов фельдшеру следует вести наблюдение за тяжело больными, ростом заболеваемости населения. Этот универсальный специалист также проводит назначенные врачом процедуры, делает прививки.

Профессия Фельдшера – это профессия преимущественно умственного труда, которая в большей степени связана с приемом и переработкой информации. В работе Фельдшера важны результаты его интеллектуальных размышлений. Но, при этом, физический труд не исключается.

Построить карьеру удачней всего получится у фельдшеров с высшим образованием. В таком случае возможно дойти до должности фармацевта или врача. Они могут стать старшими фельдшерами или даже заведующими здравпункта. Фельдшер – очень востребованная профессия, такой специалист может найти работу и в государственных, и частных медицинских учреждениях, лабораториях.

По результатам анкетирования, Фельдшеры имеют минимальные карьерные возможности. Это совсем не зависит от самого человека, просто профессия Фельдшера не имеет схемы карьерного роста.

В первую очередь, фельдшеру нужно быть ответственным за здоровье и жизнь пациентов. Часто он вынужден работать в экстремальных условиях, поэтому ему необходимо быть эмоционально устойчивым и уметь быстро принимать решения. Данному специалисту важно находить подход к каждо-

му больному, для этого ему требуются дружелюбность и общительность. Фельдшер должен быть готов к работе в условиях ненормированного графика, ведь его могут отправить к больному в любое время суток.

Данные анкетирования говорят о том, что профессия Фельдшера абсолютно одинаково подходит как мужчинам, так и женщинам. Ее нельзя отнести по половой принадлежности ни к чисто мужской, ни к чисто женской.

Мать провожала меня до калитки в заборе. Отец, как всегда, дома отсутствовал из-за своих постоянных командировок по свету. Деньги семье на хлеб зарабатывал.

– Ты уж, сынок, смотри там, веди себя хорошо и учись прилежно. Идешь ведь на самостоятельную дорогу. Она очень широкая и многое тебя на ней ждет, не оступись. На тебя вся наша надежда. Может хоть тебе удастся вырваться в люди из нашего болота, – вытирая набежавшую слезу уголком платка, напутствовала мать. Я в тот период жизни только что окончил восемь классов.

– Постараюсь, мама, не подведу, – неуверенно заверял я. Мне было неловко от той неуверенности в себе, потому что впервые надолго отлучался от семейного очага в неведомое мне учебное заведение с неизвестными будущими однокурсниками и учителями.

Дома – то все было давно знакомо и привычно. Благодатный, райский уголок природы, еще почти не тронутый цивили-

лизацией. Огромные сосновые и дубовые боры, бескрайние болота. Река Льва, и огромные голубые озера. Край этот так и называется – Великие Озера. В лесах – ковры из мягкого и упругого зеленого мха, расцветенные брусникой, черникой и голубикой. Окаймленные россыпями желтой лисички, а между ними как благородные украшения – белые грибы-боровики

Целебный воздух, густо насыщенный ароматом хвои и земляники. Усеянные разнотравьем болота, покрытые сплетениями нитей с крупной красной ягодой- клюквой. Лоси и дикие кабаны, волки и лисы, зайцы и рыси с барсуками. Тетерева и тысячи уток. Огромные сомы и древние щуки, как коряги. Язи и карпы, караси и выюны – в изобилии. Камни янтаря на берегах рек и озер собирали тогда на разжигание костров. Полагая что это просто какие – то горючие камешки. Вот такая флора и фауна, окружала меня с детства.

Почти ничего этого сейчас не осталось. Автономная экологическая система полностью разрушена. Леса хищнически вырезаны. Болота осушены и превращены в пыльные пустыни. Остатки лесистой территории перерыты жадными до сиюминутной наживы искателями янтаря. Вместо благородных дуба и сосны, земля зарастает кустарником лозы и осины. Озера и те усохли.

Убытию из дома предшествовала краткая вступительная сессия. Экзамены были: письменный диктант и математика устно. За оба мне были выставлены твердые «хорошо», хо-

тя к математике относился всегда небрежно. Не нравилась она мне.

На дворе стоял конец полесского июля. Как раз отошла черника и подошла, как всегда, в изобилии ежевика. В любимом мною лесу мои ровесники собирали грибы и ягоды. Нас в классе было тридцать шесть. Далеко не все в этот год кинулись в учебные заведения. Самые ушлые продолжали учебу в школе, заканчивая девятый и десятый классы, видимо, рассчитывая поступить в ВУЗы. У меня, почему – то тогда не было желания ни учиться вообще, ни понятия о высшем образовании. Село, одним словом.

По обычаю тех лет страницы газет были сплошь забиты объявлениями о наборе во всевозможные ПТУ и училища. Меня тянуло с детства к странствиям. Как – то на глаза попало объявление о наборе в техникум на специальность машинистов тепловозов и электровозов. «Вот уж где напутешествуюсь,» - думал я тогда.

Отговорила тогда мать:– Что ты, сынок!?! Не с твоим – то здоровьем управлять такими огромными машинами! Иди в медицину. У тебя ведь с детства была тяга к лечению. Ты любил иметь при себе аптечку, чтобы своевременно заклеить пластырем ссадину, обработать йодом царапины себе и товарищам. Так что давай, двигайся в этом направлении.

О том, что она уже вычитала объявление о наборе в медицинское училище, мне тогда еще не сказала. Но у меня была и еще одна тайная мечта. С детства имел склонность к рисо-

ванию. Мне нравились картины природы и портреты. Любил рассматривать автопортреты художников. Но здесь уж мать вместе с отцом решительно пресекли, мои мечты:

– Это совершенно недостойное занятие для нормального человека. Ты хочешь прозябать всю жизнь в нищете? Да ты посмотри на этих своих «любимых» художников. Все, как один, оборванцы, какие – то, – резюмировала мама, тыкая пальцем в автопортрет Ван Гога. И с этой ее точкой зрения на «маляров,» трудно было не согласиться.

И тогда я сам для себя принял такой тайный план: «Провалю вступительную сессию в медицину и быстро передам документы в железнодорожный техникум».

Приехал в город К. Он находился в удобном месте, примерно, в центре нашей области. На время сессии поселился в небольшой, скрипящей от ветра всеми стенами, деревянной гостинице. В двухместном номере проживал какой-то командировочный. Ему было лет за сорок, но мне он уже казался пожилым мужиком. Он постоянно был на подпитке и много курил. Мне тогда сигаретный дым еще не мешал. Наоборот, даже нравился, хотя сам я еще не тянулся к сигаретам.

Через пару дней, постоялец, глядя на мое непрерывное чтение учебников, сам со мною заговорил:

– И куда же ты, пацан, собрался поступать?

Я отложил в сторону учебник по математике и кратко рассказал ему о том, что пытаюсь поступить туда, куда особого

желания и не имею. Он, глубоко затягиваясь дымом, тогда сказал:

– Да, ты, парень, не смотря на свою юность, уже рассуждаешь очень даже серьезно. Полагаю, что все у тебя получится. Ты еще станешь достойным человеком. Учись, не отвлекайся.

Его слова о моей будущей перспективе засели тогда в голове надолго, хотя я и не мог понять, чего это он такого смог во мне разглядеть...

Конкурс был относительно небольшой, но тем не менее, он был. На тридцать мест прибыло сдавать экзамены сорок семь человек. Помню, что мы все вместе собрались возле стенда, где под стеклом висел наш пофамильный список допущенных к сессии. Я продирался сквозь толпу к стенду, чтобы увидеть там и свою фамилию. Какой – то парень с длинной шеей озорно сказал:

– Пропустите пацана! Ну очень желает увидеть себя в том списке.

Тут же добавил:

– Этот то уж точно поступит!

И, действительно, несмотря на мое тайное нежелание сюда не поступить, тем не менее, экзамены были успешно преодолены.

– Ну, что, сынок, – встретила меня вопросом мама, – полагаю, что ты поступил?

– Нам еще ничего толком не сказали, но предложили

ждать вызов, – неуверенно ответил я. Видимо, политика руководства училища тогда заключалась в том, чтобы в случае чего не дать нам возможности перенаправить документы в другое заведение.

Я еще тогда такими вопросами не заморачивался. До первого сентября оставалось пару недель. И большую часть времени проводил в своем любимом лесу. Еще только отходила черника, подошла ежевика и другие ягоды. Во всю шел грибной сезон. Особо задумываться было некогда. В случае чего, можно было продолжить учебу в девятом-десятом классе. Ягоды и грибы шли на сдачу заготовителям. Это был наш небольшой детский вклад в семейный бюджет. Да и пополнение юного организма бесценными витаминами и ферментами, о которых мы тогда если и слышали, то не задумывались.

Время пролетело мгновенно. Вызов пришел. В нем было кратко сказано: иметь при себе пару белых, медицинских халатов и рабочую форму одежды. С халатами было понятно, а для чего рабочая одежда, не совсем. Но нам ли тогда было привыкать к разной работе. По – быстрому собрался и отправился в неведомый путь.

По прибытию, первым делом, нас определили с местом проживания. В самом центре города стояла четырехэтажная коробка общежития, принадлежавшего училищу. Под размещение нашей группы, видимо, заранее определили четвертый этаж. Как оказалось, из тридцати двух поступивших, семеро были местными, городскими. Они, соответственно,

в жилье не нуждались. Остальные двадцать пять были расселены по маленьким комнаткам. Я еще ни с кем знаком не был. Кастелянша вела толпу по коридору и показывала свободные комнаты. Особо не раздумывая, зашел в первую попавшую. Через пару минут она уже была заполнена еще тремя такими же бурсаками. Итого, четыре жильца.

Тут же и перезнакомились. Вася Кидун, Петя Кухта, Владимир Ничипорук и я, тоже Владимир. Быстро выяснили, кто и откуда. Оказалось, что они все трое – из центральных районов области, а я один с севера. Все были настроены на учебу, горели желанием изучать медицину, но не тут – то было...

Ничего мы еще в этой жизни совершенно не понимали и не знали, а потому за нас все решения принимала партия и ее местные представители. Кто – то пробежался по еще совершенно не обжитым кельям и сообщил, что всем нам нужно спуститься вниз, на первый этаж, в читальный зал.

Собрались. Здесь нас ожидала небольшая группа довольно взрослых по нашим тогдашним понятиям женщин. Они попросили прекратить шум, а сами представились по очереди.

– Я, Орехова, Александра Георгиевна. Ваш классный руководитель на весь период учебы в этом заведении. Буду у вас вести русский и украинский языки и литературу.

– Я, Терещук Любовь Федоровна. Преподаватель обществоведения и ваша соседка по этажу. Мы вместе с Алексан-

дрой Георгиевной будем постоянно за вами присматривать и заниматься вашим воспитанием.

– Ребята, а теперь я сообщаю вам следующее, – взяла слово руководительница группы Александра Орехова, – у вас в приглашении на учебу было сказано, что надо иметь при себе комплект рабочей одежды.

Она сделала паузу, затем продолжила:

– Так вот, для чего она вам нужна. Завтра мы всей группой убываем на месяц для работы в один из колхозов нашего района. Вы не подумайте, что такое начало учебы касается только вашей группы. На такие работы уезжают все группы нашего училища. И не только нашего. Студенты всех ВУЗов и всех училищ и техникумов, всей нашей великой страны первый учебный семестр начинают с того, что помогают стране в уборке урожая. Поймите правильно, за то, что Конституция гарантирует вам бесплатное обучение, мы обязаны хоть малой толикой отблагодарить нашу партию и наше правительство. Так что не посраим наше училище и ударным трудом в течении всего сентября прославим его. Раздался недовольный шумок, но он тут же утих под пристальными взглядами нынешних руководительниц.

– Ребята, завтра в семь часов утра вы уже должны сидеть в машинах, которые будут стоять возле входа в училище. Все, до завтра вы свободны. Занимайтесь устройством на новом месте проживания.

Мы разошлись по своим помещениям. Прозвучала коман-

да от дежурной по общежитию, чтобы шли и получили у ка-
стелянши постельные принадлежности. Тут нас агитировать
не пришлось. Все что нужно, до вечера получили. Даже гра-
фины и стаканы для питьевой воды на свои комнаты.

После дневной суеты все спали при открытых настежь ок-
нах, на чистом воздухе, богатырским сном. С утра, сполос-
нув лица холодной водой из – под крана в умывальнике, пе-
рекусив чем Бог послал, побрели к ожидавшим нас грузовым
ЗИЛам с тентованными кузовами. Рабам колхоза автобусы
не положены. Орехова уже прохаживалась возле них. Она
нас построила в две шеренги, пересчитала. Все были на ме-
сте, включая даже местных, городских.

2. Сентябрь в колхозе

На ФОТО: Наша группа (почти все) в колхозе. Первый
курс. Справа руководительница группы. А.Г.Орехова.

Продолжение. Начало см. (Медицинское училище 72—

Ехали не долго. По команде, – ребята выходите, – покинули кузова с жесткими деревянными скамейками. Снова по команде построились.

– Ребята, слушайте меня внимательно. В течении всего месяца мы будем проживать в колхозном детском садике. Соответственно мебель в нем рассчитана на детей. Вы ее не трогайте, и не используйте для своих нужд. Спать будете на матрасах, постеленных в одном из залов просто на полу. И главное, чем мы будем заниматься здесь? Работа не сложная, но однообразная и требующая усидчивости. Мы будем перебирать картофель. Сейчас садитесь вон за тот импровизированный стол, и позавтракаем. Перекусили так себе. Какая – то жиденькая кашка, и остывший чаек.

Рабочий объект практически рядом с местом проживания. Бурт картошки высотой до двух метров, и длиной около пятидесяти. Нам предлагают рассесться вокруг него с интервалом два-три метра друг от друга. Нужно в большие плетеные с лозы корзины, или ведра отбирать чистые, не гнилые и не битые корнеплоды, и высыпать в деревянные контейнеры расположенные за нашими спинами. Гнилую, посеченную, и битую соответственно в другие корзины (ее намного меньше) и выносить в конец бурта, в отдельную кучу. Вот и вся незамысловатая работа. Вывоз наполненных контейнеров и испорченных клубней, это уже не наша забота.

Приступили. Норм никто никаких не устанавливал, никто нас не понукал и не подгонял. Но и просто так, сидеть, сложа руки под постоянным присмотром товарища Ореховой, никак не получалось. Поэтому работали постоянно, не покладая рук. Перерыв на обед, и рабы КПСС продолжают мельтешить кистями рук, как заводные. Сидим на деревянных ящиках. Молодые спины и пятые точки, еще совсем не болят. Постоянно о чем – то болтаем с ближайшими соседями. Высота буртов такая, что коллег с противоположной стороны можно увидеть только стоя, или в прыжке на месте)). В процессе работы и общения, постепенно, более тесно знакомимся друг с другом. Узнаем кто есть кто и откуда.

Справа от меня, работает Вова Довгаль. Выясняется что он родом из района, который граничит с моим районом. А слева от меня, пыхтит Паша Процюк, он с района который южнее нашего областного центра. Со школьной программы мы немножко знаем географию и экономические зоны своей области. Северные районы это леса и болота, средние, просто лесистые, а южные- лесостепные. Город К., и район в котором мы учимся, расположен примерно по середине областной карты. За буртом передо мною, сидит Степа Андрощук и Вова Григорчук. Мы уже выяснили, что Григорчук с соседней, Хмельницкой области, а Андрощук с Гошанского района, нашей области. Но вот уже и время ужина подкатило. Обед и ужин тоже не ахти какие сытные, но и особого голода я пока не испытываю.

Минут тридцать после ужина прохлаждаемся на территории садика. Особо зацепиться глазом не за что. Умываемся, холодной водой моем ноги и под одеяло. На полу мне спать еще не приходилось. Но усталость берет свое, и я очень быстро засыпаю. Но не тут – то было. Минут через пять просыпаюсь от чьего – то дикого крика, и от того что кто – то наступил мне на ногу. Открываю глаза и вижу, как Степа Андрощук с диким визгом бежит по туловищам спящих, а некоторые наши новоиспеченные «друзья» заливаются от не менее дикого лошадиного ржания.

– Что такое? Что случилось? – спрашиваю у своего соседа по матрасу, Вовы Довгаля.

– Да по моему, вон те придурки что ржут, устроили «велосипед» Андрощуку.

– Не понял, как это?

– А ты заметил, как он бежал? Запах горелой ваты ощущаешь?

– Да, ощущаю, а бежал он как – то высоко задирая ноги.

– Так вот это и называется «велосипед». Они ему сонному заложили между пальцев ног вату, и подожгли. Он же спрoсонья, не понимая, что случилось, бежал прямо по нам, высоко вскидывая ступни ног.

– Понятно. Один из тех кто заливался жеребьячьим смехом, был Костопольский. По внешнему виду, а именно по вполне сформировавшимся вторичным половым признакам, усам и бороде, можно было понять что он минимум

на год – полтора, старше нас. И фамилию его я уже запомнил- Кашталян.

– Кашталян, это твоя работа?, – крикнул я.

– А что? – сплюнув на пол, сквозь редко поставленные верхние резцы, ухмыльнулся он.

– Да ничего, еще раз повторишь что либо подобное, и потом чтобы сам не пожалел, беру я его на понт.

– А ты кто такой, чтобы мне указывать?

– Завтра расскажу, а сейчас спать. Да, а ты Степа (это я Андрощуку), – завтра сходи в амбулаторию, пусть запишут в карточке ожоги. Это тебе пригодится, когда милиция займется некоторыми, за день не уставшими. После этого я провалился в глубокий сон, и не смотря на жесткую постель, проспал благополучно до утра, аки младенец.

Все последующие дни той недели были серые и однообразные. Иногда только дождь загонял нас в помещение, и это было хоть каким – то перерывом в однообразии. Случайно где – то там нашел увеличительное стекло от лупы. У меня было на левой кисти пару бородавок. Одна из них, самая крупная поселилась на сгибе-суставе безымянного пальца. А я где то слышал, что через стекло можно ее выжечь. И если она окажется маткой, то остальные сами исчезнут. Вот и занялся во время перерывов самосожжением. Боль была терпимой. Шел дым от горения чужеродных клеток рогового эпителия. Не смотря на уже не яркое осеннее солнце, процесс пошел. Через неделю на месте бывшего рыхлого разрас-

тания образовалась долго незаживающая воронка. Но тем е менее все зажило, и дочерние узелки тоже исчезли навсегда.

Кашталян лыбился на меня при случайных столкновениях как среда на пятницу, но помалкивал в тряпочку. Андрощук, на ожоги никому не жаловался. Но все понимали, что зло на Кашталяна он затаил. Другие члены вновь сотворенного коллектива, вели себя более-менее миролюбиво, как по отношению ко мне, так и между собой. Большинство ценило свое поступление в это заведение, поэтому удерживались, от каких либо между усобиц и агрессивных действий.

Подошла суббота, и в конце рабочего дня мы снова в кузове грузовика. Едем в свою общагу на выходной. Орехова в кабине с водителем. Нам здесь никто не мешает. Поэтому в разговорах ни о чем, никого не стесняемся, и в лексиконе не ограничиваемся только литературными набором слов. Тот же Слава Кашталян, среди нас главный матерщинник и пошляк. Он постоянно, под оглушительное ржание молодых жеребцов, травит пошлые и скабрзные анекдоты. Благодаря ему я познаю такие стороны жизни, о которых в своей почти стерильной юности никогда и не слышал. Игорь Малицкий, самый высокий ростом в нашей группе, все время порывается чего – либо петь. У него высокий и чистый баритон. И поет он как в церковном хоре. Некоторые пытаются ему подпевать, но слов толком никто не знает, поэтому любая очередная песня обрывается на полуслове. И снова смех, без причины. Подначки, шутки, анекдоты. Мы знаем

что завтра не нужно будет садиться к осточертевшему бурту. Завтра у нас законный выходной, и мы будем предоставлены сами себе.

По приезду своей комнатой идем в городскую баню. Здесь с большим удовольствием смываем недельную пыль и грязь. Паримся, наслаждаемся тугими струями под душем. Меняем постель, и нательное белье. Красота, усталость как рукой сняло. Весь вечер играем вчетвером в домино. Назавтра я с утра иду в библиотеку, которая размещается рядом с читальным залом на первом этаже общежития. Вот он мой главный храм информации. Книг всяких и разных предостаточно. Теперь мне будет совсем не скучно проводить свой досуг. Но до обеда бродим по еще нам незнакомому городу. Знакомимся с его «достопримечательностями». В принципе ничего примечательного и особого. Почти что рядовой провинциальный районный центр. Рядом с нашим нынешним местом проживания, парочка пятиэтажек совсем недавно заселенных. На центральной площади по – середине огромный серп и молот с надписью « слава труду!». Остальной центр двухэтажный, плавно переходящий в одноэтажные особнячки окраин.

Рядом с трехэтажным, новым корпусом самого училища, впритык расположен старый- двух этажный. В нем тоже несколько разных классов и лабораторных помещений. А на первом этаже наша столовая. Здесь основное место нашего питания. Но со временем мы успешно обжили и обще-

питовскую городскую столовую, недалеко от общаги.

Еще в одном квартале с училищем находится ДК- городской дом культуры с памятником В.И.Ленину напротив него. Огромная площадь, одну из сторон ее обрамляет четырехэтажный корпус местного районного комитета партии. То же относительно недавно заселенного, своими партийными клерками. Рядом и старый одноэтажный деревянный корпус райкома. Но в нем теперь местный музей боевой и партизанской славы. Прямо напротив окон наших классов торчат стволы артиллерийских пушек, самоходок и танков. Они теперь на «вечном», как тогда нам казалось приколе к этому месту. Пару кварталов вниз от центра, протекает Замчисько, местная речушка-вонючка.

Но не только этим жил этот патриархальный городок. Было, было здесь кое что что отличало его от других, захудалых райцентров. Но о других достопримечательностях этого, тогда бурно развивавшегося города, буду описывать по ходу изложения материала. А пока что просто бесцельно бродим по тихим улочкам. Постреляли с воздушшек в жестяной будке местного тира. Покушали свежего мороженого, пломбир. Прошлись мимо кинотеатра «Жовтень», т.е. «Октябрь». Погуляли по парку вокруг него. Сходили, пообедали, и снова в свою келью. Остаток выходного дня посвятил любимому занятию-чтению художественной литературы. Легкий ужин-чаепитие мы уже сварганили сами. В конце коридора на нашем этаже есть маленькая кухонька, а в ней несколько га-

зовых плит. И снова домино. Лак на раздвижной столешнице лущился под нашими ударами по ней костяшками. При этом мы не стеснялись в громких выражениях по случаю выигрышного или проигрышного хода. Но вдруг наш галдежь прервал громкий стук в запертую дверь нашей комнаты.

– Какого черта!?, – огрызнулся Ничипорук.

– Открывайте, я вам сейчас разжую, и объясню и какого черта и какого лешего!, – раздался за дверью громкий и визгливый женский голос. Вася Кидунов нехотя поднялся с табуретки и пошел открывать. Мы на время притихли, понимая что видимо что-то нарушили. В проеме открытой двери нарисовалась огромная туша в халате на охапку. Это была одна из наших недавно представлявшихся нам преподавательниц.

– Ну шо хлопчики!? Не ждали?, бешено сверкая белками выпученных глаз, заорала мадам (так и хочется назвать ее Грицацовой).

– Будем знакомиться. Я ваша соседка через стенку. Живу с маленькой дочкой. И если вы думаете что здесь стены метровой толщины, и ничего не слышно мне, то вы сильно ошибаетесь. Мне слышен не только каждый ваш шах и мат, но и даже каждый ваш чих и пук. Значит так, или вы сидите здесь как мыши под веником, или я быстро найду на вас управу. Пойдете снимать себе жилье по городу. Надеюсь, вы меня поняли!? И тут я вспомнил, что это та самая педагогша которая будет у нас вести обществоведение. Любовь Федорова Терешкина, а еще кто – то тогда нам сказал что по сов-

местительству она еще и парторг училища. Мы тогда еще слабо разбирались в партийной иерархии, но инстинктивно догадывались, что шутки с партийными функционерами могут сыграть с нами плохую шутку.

– Извините, мы больше так себя вести не будем. Несогласованно и нечленораздельно промычали мы в ответ. Она с силой захлопнула нашу дверь. Тихонько, без прежнего запала доиграли незаконченную партию, и разбрелись по своим кроватям. Вот уж повезло нам с соседкой, – подумали все мы. Играли и потом, в течении всех четырех лет. Когда уже окончательно убедились что изгнание из училища и из общаги нам не грозит, снова нагтели безмерно. И стучала она нам в стенку неоднократно, и снова бывало, что врывалась в комнату к нам. Но мы были еще довольно «дикими», и не до конца понимали, что кому то мешаем просто жить. Хорошо что хоть противоположная стенка граничила с холлом, поэтому с той стороны нареканий не было..))

Был у меня и один мелкий, личный контакт с этой дамой. Как то утром, лечу с чайником в руках по коридору, в противоположный конец этажа, на кухню. Все еще спят. Тишина в общаге. Я еще тоже до конца не проснулся. Несусь с опущенной головой, и вдруг упираюсь во что то мягкое и пружинистое. Как оказалось, это был массивный живот.

– Стой, стой пацан! Ты куда несешься, не соблюдая правил движения!?! – я резко притормозил... Она поставила на пол свою кастрюльку. Взяла мое тщедушное тельце сво-

ими громадными клешнями, и переставила как шахматную фигуру, от левой стенки к правой.

– Запомни, парень, в нашей стране движение правостороннее! – я все еще опешивши моргал своими поворотами.

– Понял, понял Любовь Федоровна. Обещаю впредь соблюдать. И мы двинулись по своим направлениям. Доходчиво объяснила, ничего не скажешь.

И снова садимся вокруг свеженасыпанного бурта картошки. Теперь мы уже асы по ее переборке, и дело спорится в наших руках. Без понуканий со стороны своей надсмотрщицы, бьем рекорды. Но и здесь, не без греха.

– Хлюп! – передо мною шлепается гнилая картофелина. Брызги от нее попадают мне в глаза. Мгновенно соображаю, что она залетела из противоположной стороны. Хотя от кого конкретно и не догадываюсь. Беру такую – же гнилую, и по навесной траектории отправляю в ответ. Там кто – то ойкает. Из-за бурта вскакивает длинношей, Григорчук.

– Ты что!? Ты видел куда ты мне попал!? – с возмущением, брызгаю слюной орет он мне, – это же не я бросил к тебе, а ты мне попал за воротник! И с силой швыряет уже целой картошиной, мне в лицо. У меня под правым глазом набухает отек и соответственно приличный синяк. Я, ничуть не задумываясь, мгновенно швыряю огромную картофелину в ответ, и попадаю обидчику в лоб, сатисфакция. Так как расстояние между нами не более трех метров, удар получается довольно мощным, и я сбиваю его с ног. Перепалку успевает

зафиксировать «мама» Орехова. Она повышает голос, но мы уже присели на свои места. Конфликт с дуэлью улажен. Позже выясняется, что провокатором, подкинувшем мне гнилую картофелину был все тот же Кашталян. Так как руководительница предупредила всех о жестких последствиях, то продолжения выяснения больше не последовало. Работаем в прежнем режиме.

Неделя пролетела незаметно, и мы снова собираемся в город. Но кое у кого ненасытный желудок подсказывает дельные мысли тупой голове. Иван Шикилов и Вася Улитко, односельчане, уроженцы Заречнянского района, предлагают всем, кто проживает в общежитии, сделать запасы картофеля на зиму. Что мы с удовольствием и осуществляем. Где то раздобыли мешки. И вот уже они наполнены, и вместе с нами трясутся в кузовах наших ЗИЛов. Эту операцию по хищению колхозной собственности мы потом еще провернули неоднократно. Снова травим по дороге анекдоты и поем песни. Мы беззаботны и веселы. Фингал под моим глазом уже почти сошел. А вместе с ним растаяла и забылась обида.

В таком ритме пролетел и весь месяц. Иногда мы по вечерам играли в футбол на колхозном стадионе. Так как здесь же рядом был небольшой сад, то еще можно было пополнить запас витаминов поздними сортами яблок и груш. Договорились с кастеляншей, и она нам разрешила хранить наш приличный запас картошки в подвале общежития. В течение зимы это было нам неплохим подспорьем в питании.

3. Анатомия

На фото: 1.муляж внутренних органов человека.2.Типичный корпус райкома.

Школьную программу преподавали обычные педагоги, такие же, как и в наших прежних школах. И с ними нам было привычно общаться. Все как всегда. Химия и физика, математика и литература, приевшиеся до чертиков. Другое дело, предметы для нас совершенно новые, и преподаватели – врачи. Тогда для нас это какие – то загадочные существа, почти инопланетяне.

Вот в класс входит, вроде еще и молодой, но по нашим меркам уже довольно солидный мужчина. Ему уже тридцать с хвостиком, а нам всего по пятнадцать с тем же довеском. Но он уже давно врач, а теперь еще и наш педагог. Будет

преподавать нам строение человеческого организма. Предмет называется анатомией.

Он и сам еще нас стесняется, сутулится, краснеет, иногда заикается. Как – то даже мне заметно, что находится еще не в своей тарелке. И мне за него неловко. Тем не менее он излагает вступительную тему вполне доступно даже нашему непосвященному сознанию. Занятие проводится на гипсовых муляжах, которых в избытке притащили дежурные по классу. Мы теперь дежурили по очереди, по столам, по порядку. За этим делом строго следит наш староста. Муляжи разборные. Из грудной или брюшной полости можно свободно извлечь любой орган. Они ярко раскрашены и спутать печень с легкими, в принципе, нельзя. Но, возможно, это только моему «художественному» глазу все так просто и доступно, потому что вот, например, Леня Евтушок, до сих пор желудок путает с прямой кишкой. Да и многим другим не все так просто дается. Еще со школьной программы, где у нас был предмет «человек и его строение», я по плакатам и рисункам в учебнике уже запомнил расположение этих органов. Как бы то там ни было, но потихоньку все вникают в то, что и как расположено и функционирует в нашем организме.

РАЙКОМ.

Кроме работы в колхозе, чтобы жизнь нам медом не казалась, вот она, вам и еще одна дополнительная нагрузка. Это

вместо самостоятельной подготовки по изучению анатомии человека и латыни. Или может для лучшего их усвоения?

– Собраться всем в своем классе, – объявила А. Орехова, – с вами желает побеседовать Любовь Федоровна.

Мы уже догадывались, что преподаватель «обществоведения», одновременно исполняет в училище роль какого – то тайного серого кардинала, а потому ничего хорошего от общения с ней не ожидаем.

– Ребята, – начала она как всегда своим громко скрипучим голосом, – наша родная партия и правительство дено и ночью о вас заботится. Вы бесплатно учитесь, а многие из вас еще и стипендию получает. Живете в бесплатном и благоустроенном общежитии. И за это с вас не берут ни копейки.

Мы молча в чем – то с ней соглашались, а где – то в душе с чем – то были и не согласны, но рот возмущения никто не открывал. Несмотря на юный возраст, все уже давно догадывались, что это будет стоить себе дороже.

– Так вот, как вы смотрите на то, чтобы хоть по минимуму помочь нашим партийным органам здесь, на местах?

Мы как истинные бараны тупо смотрели на нее.

– Ваше молчание я расцениваю, как знак согласия. А вопрос заключается в следующем. В нашем райкоме сломалась напрочь циклевочная машина. Паркетные полы целого этажа остались неотшлифованными. Руководство райкома попросило нашей помощи.

И пошли мы безгласные и подневольные в этот местный штаб коммунистов. В течении всей зимы на протяжении первого курса, день через день, по три-четыре часа, ползали на коленях с кусочками стекла в пальцах. Шлифовали до блеска вручную каждую паркетинку на полах в огромных кабинетах. Резали пальцы, пачкали и протирали на коленях купленные родителями штанцы. Отрабатывали свое «бесплатное» обучение. Теряли драгоценное время своего обучения.

Но никого это тогда не интересовало. Звучал лозунг «Партия сказала: Надо! Комсомол ответил: Есть!» Безропотно. Мы ведь все до единого были тогда комсомольцами.

ЛАТЫНЬ

На второй паре приступаем к изучению нового для нас иностранного языка-латыни. Курс ведет женщина, лет за сорок. Еще одна ровесница наших мам, поэтому отношение ее к нам соответствующее, как к своим детям. Догадываемся, что она по образованию, видимо, провизор, и работает где – то в одной из аптек города. Она сразу нам объяснила, что ее науку нужно элементарно зазубривать, а понимание придет позже. Язык этот, мол, давно мертвый и используется, в основном, для международного общения между медиками, ну, и еще кое – где в пара*медицинских отраслях. Тем не менее, корни этого языка присущи почти всем европейским, романским языкам. Имеются его отголоски и в украинской мове. К примеру, молоко по латыни ЛЯК, а скисшее молоко по украински кисЛЯК. Баня, аматор, ветеран и много других, о которых мы даже и не подозреваем.

Для лучшего запоминания слов она предлагала нам простые, но довольно действенные методы. Вот, ребята, смотрите (superior) СУПЕРИОР- означает верхний, а (inferior) ИНФЕРИОР- нижний. Представьте себе, что я несу тарелку СУПа в руке, и он находится на ВЕРХУ тарелки, спотыкаюсь, тарелка переворачивается содержимым вниз. Получается ИНФЕРИОР. Слово (tahi) ТАХИ, означает БЫСТРО. К примеру, когда строчит пулемет, мы слышим быстрые

звуки типа тахи-тахи-тахи. А слово (bradis) БРАДИ- означает РЕДКО- похоже на слово БЕРДАНКА. Берданка, как вы понимаете, стреляет намного реже, чем пулемет. И лично я сразу и навсегда запомнил, что ТАХИкардия- это УЧАЩЕННОЕ сердцебиение, а БРАДИкардия – замедленный ритм работы сердца. И таких примеров было великое множество. Они то и позволили худо-бедно вникнуть в суть этого «мертвого» языка.

Со всего цикла запомнился только один эпизод. И снова же с тем же Ленией Евтушком.

– Как вы понимаете, могут быть в жизни случаи, -начала с далека заходить латынянка, – когда вам необходимо выписать какой- либо рецепт для себя. Согласны вы со мною?

– Да, конечно, – закивали мы головами, поддакивая.

– Так вот, как правильно будет выписать такой рецепт? А ответит нам на этот вопрос, ответит, – она заглянула в журнал, ища по списку нужную фамилию. Как всегда в таких случаях напряглись те, кто не знал, не знал, да и забыл ответ, – Так вот отвечать будет Леонид Евтушок. Леня – сублильное и какое – то, видимо, с детства зашуганное существо, на лице которого хорошо просматривались только большие розовые и какие – то прозрачные губы. Уже поднимаясь из-за своего самого заднего стола в среднем ряду, он начал затравленно поглядывать по сторонам, ища спасительной подсказки. Тело и губы у него заранее тряслись с перепугу.

«Pro se» (Про се), то есть в переводе означает «для себя» – правильно звучал ответ. Но Леня, как всегда, находясь мысленно в каком – то своем затхлом мире, даже не подозревал, что могут быть еще и такие варианты злополучных рецептов.

– Про се, про се, про се..., – шепотом звучали со всех сторон спасительные подсказки от участливых товарищей.

– Про сЮ, – дребезжащим, каким —то старческим голосочком просюсюкал Леня. Класс взорвался залпом смеха. Улыбнулась даже учительница. Так и закрепилась за Евтушском кликуха «просю», до конца нашей совместной учебы.

Пара* (para) -лат.– рядом.

4. Передача эстафеты.

См. ФОТО: Корпуса училища и общежития.

Через пару дней произошло очередное событие в группе. Один из студентов нашей бурсы решил наотрез завязать с медициной. Я с ним был практически и не знаком. Его фамилия Горчак, и имени не запомнил. А еще когда мы были в колхозе, то первый смельчак не прибыл после очередного воскресного выходного и больше не появлялся. Мы даже его фамилию не успели запомнить. После ухода Горчака нас осталось ровно тридцать. Группу специально набирали с запасом, в расчете на то, что кто – то отсеется. Так и случилось. Почти все остальные, за исключением еще одного, который не появился на четвертый курс, доползли до финиша более-менее благополучно.

Как я уже упоминал, наша группа состояла исключительно из особей мужеского пола. Такой себе молодежный, мужской микромонашеский коллективчик. Таких групп до нас, да и после нас, в этом училище никогда не было. Зато мы находились в сплошь девичьем окружении. Все остальные группы, в том числе и те, что набирались параллельно с нами, состояли исключительно из девушек. И было их в тот период порядка двухсот шестидесяти. Все они проживали в комнатах на нижних этажах нашего общежития, то есть мы находились в окружении женского монастыря. Интересная сложилась ситуация.

Но были и исключения из правил. Как раз на тот период нашего учебного младенчества, на четвертом курсе училась

смешанная группа фельдшеров. Там было двадцать шесть девушек и четыре парня. Этих фельдшериц я не помню никого. Они уже были настолько для нас взрослые, что не замечали нас, а мы их соответственно. А вот их парни жили все четверо в комнате прямо напротив нашей, через коридор. И стали они периодически по поводу и без него к нам заглядывать, и нас к себе приглашать.

Мне они показались все как на подбор большими, стройными, физически крепкими. К нам они относились, как к мелким несмышленишкам, но тем не менее взяли над нами что – то типа шефства. Стали нас опекать и учить умуразуму. Все непотребное, что они успели постигнуть за проведенные здесь четыре года, по -быстрому стремились передать нам по эстафете, что ли. Почему – то, не смотря на вроде как их не самый низкий интеллект, у них даже мысли не было поделиться с нами какими то азами и понятиями в медицине, нормальному поведению в обществе. Нет, они начали с того, что стали приобщать нас к разнообразному алкоголю. Сами пили и с нами делились. Не много, но по чуть – чуть всегда могли налить. А при отказе или сопротивлении давили на «Ну, ты что не мужик?», « Да, ты баба, оказывается». Мы, шпанюки, конечно же, пытались доказать обратное. Нет, мы не напивались, но «причастие» периодически принимали.

Как – то дошло до того, что на спор решили послать меня в магазин за вином. Спор состоял в том, что я должен был

за три минуты сбегать и купить шесть бутылок «портвейна». Снабдили деньгами, и вместительным портфелем. Одна часть их заспорила, что я не вложусь в отведенное мгновение, другая половина доказывала, что я шустрый малый, и вполне справлюсь. Я помалкивал, но всем своим видам пытался доказать готовность вложиться в отведенный промежуток. Для этого надо было сбегать вниз с четвертого этажа по крутой лестнице, через «черный» ход выскочить на улицу. Пробежать промежуток между корпусом общаги до магазина самообслуживания, что расположен, примерно, через полсотни метров. Самостоятельно загрузить с полки в магазине требуемое количество бутылок. Расплатиться на кассе, и так же пулей вернуться в точку старта.

Все пошло наперекосяк с самого начала. Всегда открытая, в этот раз дверь «черного» хода, почему – то оказалась запертой. Пришлось бежать через парадный вход. В холле возле дежурной по общаге крутилась кастелянша, «бабушка» лет пятидесяти. Возможно, что она обратила внимание на мою крейсерскую скорость по преодолению выхода на улицу и бег галопом по тротуару. В магазине я все выполнил быстро, но тетя на кассе, посмотрев содержимое корзины и, прикинув мой рост, вес и, вычислив возраст, заартачилась:

– Мальчик, предъяви паспорт, докажи что тебе есть шестнадцать лет.

Я опешил. Ведь совершал уже раньше подобные покупки

и никаких вопросов не возникало. А тут еще и время поджимало. Скривив рожу, первый раз в жизни пришлось нагло врать должностному лицу.

– Да вы что, сомневаетесь, что ли? – выпятив петушиную грудь, и сделав, как можно лицо посерьезнее, начал я доказывать и показывать всю взрослость свою, – я паспорт дома забыл, а мне уже давно есть шестнадцать!

– А зачем тебе столько вина, мальчик?

– Так это, ... родители послали. К нам гости приехали...

– Ладно, забирай свое вино, – не веря ни одному моему слову, сказала продавщица. Я снова включил четвертую скорость и залетел в холл. Но не тут то было.

– Озерянин, а подойди ка ко мне, – вдруг строго официально произнесла засушенная вобла на должности кастелянши. Догадываясь, что влип, на вдруг обмякших ножках подошел к ней.

– Поставь портфель на этот столик, – указала она на журнальный стол возле окна.

– Открой портфель.

Я, повинувшись ее повелительному тону и гипнотизирующему взгляду подколотной змеи, расстегнул замок баула.

– Кому и зачем ты все это несешь?

– С-себ-бе...

– Не ври, сознавайся, а то хуже будет.

Я, видимо, покраснел как рак в кипятке, потому что чувствовал, как горят уши. При этом опустил глаза в пол и кате-

горически замолчал. За всем происходящим, молча смотрела вахтерша, тетя Аня. Она относилась к нам всегда доброжелательно, по – матерински, но как – то вмешаться в происходящее в данном случае никак не могла.

– Ладно, забирай все и пошли со мной.

Закрыв портфель, молча топаю за поборницей правопорядка. Она заводит меня в свои апартаменты, бельевую комнату.

– Выложи все содержимое вот на эту полку, – тыкает заскорузлым пальцем в одну из полок. Молча, расставляю «Портвейн777» между простынями и полотенцами.

– Свободен, но передай тем, которые тебя послали за вином, пусть немедленно явятся ко мне.

Повинуюсь, и уже никуда не спеша, как в тумане, бреду на свой этаж. Здесь меня ждут с нетерпением. С торжеством выигравших призов, потирают руки те, которые доказывали, что я не уложусь в указанное время.

– А я что говорил, – хихикал Петя Рацкевич, – не такой уж он и шустрый, как вы доказывали.

– Ну, давай, выкладывай содержимое, да побыстрее, мы уже слюнями изошли...

– А выкладывать то и нечего...

– Как это? – всей комнатой произнесли вопрос они.

– А вот так и так, – выложил я им все произошедшее, как на духу.

– Вон оно что!

Они всей гурьбой рванули вниз. Как они там разбирались с хозяйкой общаги, не знаю. Меня не посвящали. Ко мне претензий ни с какой стороны не последовало. Парни прекрасно понимали, что моей вины в данном случае нет. Вино старушка им отдала на Новый год. Меня за такими покупками больше не посылали.

Но опека нашей комнаты с их стороны не прекратилась.

– Ничипорук! Вот тебе записка, сходи в комнату номер тридцать восемь и передай девушкам, которые там проживают, – инструктирует Мыкола Петренко нашего «вульву».

«Подателю сей записки просим вас отлить литр мензиса и без замедления передать нам, в комнату номер сорок семь.»

Тот не подозревая подвоха, берет писульку и топает по указанному адресу. Минут через десять возвращается и возвращает бумажку Мыколе. Те гурьбой ее читают и ржут, как кони, потому что там уже что то приписано.

«У нас нет литровой тары, пусть гонец приходит с ведром!»

Намного позже мы узнали что под словом МЕНЗИС скрывалось содержимое выделений у женщин во время месячных. Это пацаны так развлекались. Им повезло, они вчетвером, в течении четырех лет учились в полном окружении женского гербария. Девушки настолько к ним адаптировались, что вообще не обращали, видимо, внимания на их про-

тивоположный пол. Увы, у нашей группы все было по другому. Для нас девченки, не смотря на их вроде и близкое расположение, все еще оставались не совсем доступными.

Внештатные «кураторы» тогда научили нас многим фокусам. Некоторые я помню до сих пор. Например, как разрезать поперек вместе со спичками коробок фильтром от сигареты. Как завязать сигарету узлом, развязать и чтобы она при этом не порвалась. Как поставить бутылку в угол без опоры снизу. Как из полностью вылитой бутылки водки накапать еще сорок капель. Как проверить тремор пальцев с помощью сожженной спички. И много чего прочего. Кое – какие из них лично я при случае использовал на спор в течении всей последующей жизни. Интересные были парни. Им подобных, лично мне больше встречать не приходилось.

Научили, как впасть в искусственную потерю сознания, пережимая шею вафельным полотенцем. И мы все испытали этот опыт на себе. Только наличие отменного тогда здоровья, и молодой организм позволял нам оставаться живыми после таких опытов. Первый раз в жизни мне и моим соседям по комнате пришлось вместе с ними пить вино из рога. Представьте себе двухсотпятидесяти граммовый рог, созданный по всем правилам рогового искусства. С «золотой» каемочкой по краю и надписью золотыми буквами по периметру: «Ин вино веритас» – «In vino veritas», что в переводе на наш с латыни означает «Истина в вине».

Параллельно они учили нас, своему латинскому язы-

ку. Вот несколько «крылатых» выражений, которые я тогда от них запомнил.

longus galli- vita brevis. — Длинный член-короткая жизнь.

Amor tussisque non celantur.— Любовь и кашель не скроешь.

Cibi, potus, somni, venus omnia moder; ta sint.— Пища, питье, сон, любовь – пусть все будет умеренным

Latine Non est membrum de equinae – латинский язык, не член лошадиный.

Интересная особенность питья вина из такого сосуда заключается в следующем. Мы привыкаем пить из стеклянных емкостей типа стаканов, стопок и прочее. В них мы видим дно и, соответственно, автоматически прикидываем конец процесса. Организм инстинктивно сам принимает решение, когда и как дышать. Когда остановиться или выпить до дна. Здесь же без тренировки происходит казус. Сосуд внутри темный, дна не видно. А значит и не видно, когда нужно дышать. Воздуха не хватает, а емкость имеет ту особенность, что если в ней еще имеется жидкость, то на стол ее не поставишь. Короче, в первый раз можно или захлебнуться или задохнуться. Мы – настойчивые ученики, освоили со временем и этот процесс.

Жильцам других комнат «повезло» меньше, у них не было таких профессиональных по всем вопросам кураторов. Рядом с их комнатой через стенку жил тогда молодой док-

тор-дерматолог, не более двадцати пяти лет, по фамилии Корчашкин. Так как по возрасту он не намного старше был наших опекунов, то дружил с ними и часто принимал участие в поддержании застольных посиделок. Чем он мне сразу запомнился, этот доктор носил супермодную по тем временам рыжую бородку.

Чем – то я ему приглянулся, потому что он меня тоже запомнил. И в разделе третьего курса, я еще посвящу ему отдельную небольшую главу.

5. Халатный вопрос.

См. ФОТО:1.наша группа в халатах.2. уже переоделись в «форму».

Но это я уж слишком далеко увел читателя от основной

нашей, хотя и возможно что менее интересной темы, а именно, учебного процесса. Через неделю-полторы интенсивных теоретических занятий в классах и аудиториях, белоснежные в первый день учебы, наши халаты, превратились в серые балахоны. А мы в них выглядели не как будущие эскулапы среднего звена, а как привидения. Возник вопрос, а как быть? Мы сами стирать в своем большинстве были не приучены и не научены. Современных стиральных порошков и в помине тогда просто не существовало. Те, что имелись, мы понятия не имели, как их применять, и в каких дозах использовать.

Пока мы тренировались, как пить вино из рогов, мой сосед по комнате, Петя Кухта, уже успел завести знакомства с девушками. А так как кое – какие рубрики у него всегда водились в кармане, то за шоколадку, он уже успел найти среди них умелых прачек и эту проблему решил, но большинство из нас не были такими ушлыми. Пытались стирать самостоятельно. Увы, от этого наши хитоны выглядели совсем ужасно. Наша «классная дама» – мама Орехова только руками всплескивала:

– Ребята, да что же мне с вами делать то? Шумака! -повышала она голос на Гришу Шумака, что из Заречнянского района, – на кого ты похож?

– На кого? – удивлялся такому вопросу Гриша, – по – моему выгляжу не хуже остальных...

Остальные, конечно, были разные. Как я уже ранее упоми-

нал, из тридцати, в группе было семеро местных-городских. Правда, седьмой, Дима Цымбалюк, был из родом из близлежащего возле города села Борщевка, но он тоже проживал дома. Вот им – то мамы все стирали и наглаживали. Они выглядели белыми воронами на фоне стаи ворон серых. В общем, и целом, возникла проблема и, видимо, тогда не разрешимая. Хотя я сейчас думаю, что мы могли бы сдавать свои халаты в прачечную. Туда же, где стирали и наше постельное белье. А еще лучше, если бы халаты были казенными и выдавали бы их нам, как инвентарное имущество. Во временное пользование. Ан – нет, видимо, в СССР на эти расходы «золотого запаса» не хватало.

А посему полагаю, что наше бабское начальство (все руководство училища было исключительно из женщин) почесало свои шиньоны, и пришли к такому выводу. Группа набрана по заказу министерства обороны СССР? Да? Вот пусть у них голова и поболит, в какой форме должно ходить это «стадо баранов». Такое любимое выражение было у нашей классной дамы по отношению к нашей группе. А кто первый и ближайший представитель вооруженных сил в районе? Элементарно, Ватсон, военный комиссар района.

Обратились наши игумени к нему с этим вопросом. Недолго (или долго) думали и решили. Солдатская (или офицерская) зеленая рубашка с галстуком, черные брюки, черные туфли. Головной убор не определяли. Гора с плеч, в первую очередь свалилась с наших. Избавились мы от еже-

дневного пребывания в этих балахонах. Довольно быстро все нашли необходимые элементы нашей стилизованной униформы и зажили мы по – новому. Халаты теперь одевали только на практические занятия в лечебных заведениях города. Старая проблема при этом по – прежнему сохранялась, но уже не так остро.

6. Обществоведение.

на фото, преподаватель ОБЩЕСТВОВЕДЕНИЯ, Терещук Л. Ф.

Как всем известно, каждый педагог постоянно доказывает, что именно его предмет является определяющим в нашей жизни. Любовь Федоровна Терещук, наша соседка через стенку, та самая, которой мы своим гнусным, и непотребным поведением отравляли жизнь, вела у нас самый «главный» предмет в медицине, обществоведение. Женщина в годах за сорок. Весом, далеко за центнер. С жиденькими, коротко стриженными с челкой, крашенными луковичной шелухой волосиками. Крупными чертами лица, и выдающимся социальным запасом ниже груди. Соответственно, давно разведенной, и от всего этого комплекса, крайне озлобленной на мужскую половину сообщества

И вот тут судьба кидает ей на зубы целую группу самцов-молокососов. Предоставилась тетеньке возможность доказать свое превосходство. Как только она не изощрялась, как только она не упивалась своим правом диктовать нам свои правила жизни. Издевалась, конечно в основном морально. Не выпуская из рук толстую и длинную указку, мысленно, видимо, непрерывно применяя ее по прямому назначению к нам, но реально только опираясь на нее, перенося часть веса грузного туловища на эту опору.

Специфика предмета заключалась в разработке системы

взглядов у учащихся общеобразовательных школ и училищ на мир, охватывающих все происходящее в нём явления, и дающее учащимся их единое понимание и объяснение через призму марксистско-ленинской философии.

Учебник по данному курсу включал три части: «Основы марксистско-ленинской философии», «Основы политэкономии» и «Основы научного коммунизма». Давая целостную систему взглядов на окружающую действительность, марксистско-ленинская философия помогала (по мнению его авторов), учащимся вырабатывать соответствующие отношения к существующему общественному строю, пониманию сущности проводимой Коммунистической партией и Советским государством политики и тем самым способствовала сознательному участию самых широких масс трудящихся в политической жизни общества, в борьбе за социальный прогресс, за реализацию великих коммунистических идеалов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.